
3. Динамический подход к психологическому анализу деятельности*

В настоящей работе** сделана попытка очертить две парадигмы психологического анализа деятельности — морфологическую и динамическую, — сложившиеся в русле общепсихологической теории деятельности [12].

В последнее время проблема деятельности является объектом оживленных и полных полемического накала дискуссий. И это не удивительно: сейчас вряд ли удастся отыскать психолога, который бы в той или иной форме не касался проблемы деятельности, не давал бы ту или иную трактовку категории деятельности. При всей разнородности мнений, высказываемых при обсуждении современного состояния проблемы деятельности, их объединяет одна общая черта. Она заключается в том, что наиболее четко выделившиеся в советской психологии концепции деятельности рассматриваются как *окончательно* сложившиеся и доведенные до своего логического финала системы, то есть системы, в которых уже проставлены все точки над *i*. Поэтому-то обычно, анализируя эти системы, будь то общепсихологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева или концепция С.Л. Рубинштейна, начинают перечислять, что в них не сделано. Являются ли, однако, в действительности эти системы, и в частности общепсихологическая теория деятельности, о которой далее пойдет речь, чем-то окончательно сложившимся и доведенным до своего логического финала? Нет! На наш взгляд, дело обстоит совершенно противоположным образом. Эта теория представляет собой пока еще только каркас здания объективной психологической науки. Выступая в форме такого каркаса, она задает дальнейшее направление движению психоло-

* Опубликовано совместно с В.А. Петровским (см.: Краткие комментарии)

** Доклад, прочитанный на симпозиуме «Деятельность и личность» V Всесоюзного съезда психологов.

гии, сама постоянно изменяясь и преобразуясь в ходе этого движения. Возможно, что выросшая из этой концепции теория деятельности в ее развитой форме будет так же походить на сегодняшнюю, как, говоря словам Л.С. Выготского о психологии грядущих дней, созвездие Пса походит на собаку — лающее животное [7]. Но в ней будут жить принципы, заложенные теорией деятельности уже сегодняшнего дня, и в этом-то и заключается суть дела.

Контуры общепсихологической теории деятельности были намечены в исследованиях Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия в те дни, когда молодая советская психология, пройдя между Сциллой психологии сознания и Харибдой бихевиоризма, встала на путь самостоятельного развития. Именно в то время, в начале 30-х гг. в нашей психологии утверждается принцип деятельности как ведущий методологический принцип анализа психических явлений и дается определение категории деятельности. Деятельность определяется как процесс реализации жизненных отношений субъекта в предметном мире и как источник саморазвития субъекта, причем акцентируется и «работает» в конкретных исследованиях прежде всего первая часть этого определения. Следует особо подчеркнуть, что одновременно с введением чисто методологического принципа деятельности сама деятельность становится предметом конкретных исследований в работах харьковской группы психологов (А. Н. Леонтьев, Л. И. Божович, П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, П. И. Зинченко и др.).

Эти исследования разворачиваются преимущественно в рамках морфологической парадигмы анализа деятельности. То, что мы условно обозначили *морфологической парадигмой* анализа деятельности, предполагает рассмотрение деятельности как некоторой инвариантной системы и выделение относительно устойчивых единиц, которые образуют эту систему. Следуя логике исследования, задаваемой морфологической парадигмой, исследователи должны были раскрыть некоторые инвариантные для каждой деятельности единицы, то есть те предметные и структурные моменты, которые образуют «тело» любой деятельности. Эта цель и была достигнута в целом ряде фундаментальных экспериментальных и теоретических работ. Здесь нет необходимости останавливаться на этих ставших уже классическими работах, и поэтому мы позволим себе дать

лишь краткую характеристику выделенных в них структурных единиц деятельности.

В деятельности субъекта были выделены такие предметные моменты, как мотив, понимаемый как предмет потребности, цель и условия осуществления действия. Структурные моменты деятельности получили, как известно, свою специфическую характеристику при соотнесении их с мотивами, целями и условиями осуществления действия. Так, процесс, рассмотренный со стороны мотива, получает свою специфическую характеристику в качестве особенной деятельности; со стороны цели — в качестве действия; со стороны условий осуществления действия — в качестве операции. Четвертый момент психологического строения деятельности — это «исполнительные» психофизиологические механизмы, реализующие деятельность [12].

Подобное описание деятельности как относительно инвариантной системы, конечно, нельзя считать завершенным. Возможной перспективой дальнейшего исследования деятельности в рамках морфологической парадигмы является членение деятельности на все более дробные единицы, то есть путь анализа микроструктуры деятельности. Этот путь мы обнаруживаем в известных исследованиях В. П. Зинченко и его сотрудников, доказавших необходимость введения такой важной единицы анализа деятельности, как функциональный блок [9], [10].

Итак, при анализе деятельности в рамках морфологической парадигмы исследуются следующие структурные единицы деятельности: особенная деятельность, побуждаемая мотивом; действие, направляемое целью; операция, соотносимая с условиями осуществления действия; функциональный блок, соотносимый с объектными свойствами условий, и психофизиологические реализаторы деятельности.

Иная картина и иные единицы анализа выделяются при исследовании деятельности в рамках динамической парадигмы. *Динамическая парадигма* анализа деятельности предполагает выявление специфики тех моментов, которые характеризуют собственно динамику, движение самой деятельности и ее структурных образующих. Единицами, характеризующими движение самой деятельности, являются *установка*, понимаемая как стабилизатор движения в поле исходной ситуации развертывания деятельности, и *надситуативная активность*. Содержание этих единиц,

их место в процессах реализации и преобразования деятельности, а также настоятельную необходимость введения этих единиц в контекст анализа предметной деятельности мы и попытаемся сейчас показать.

Вначале мы остановимся на характеристике такой единицы анализа движения деятельности, как установка. В настоящей статье понятие «установка» впервые будет рассмотрено в качестве необходимого условия выделения динамической парадигмы психологического анализа деятельности.* Вопрос о роли установочных явлений с необходимостью встает при изучении деятельности, как только мы начинаем рассматривать движение самой деятельности и пытаемся понять причину ее относительной устойчивости в непрерывно изменяющейся среде. Предположение о существовании моментов, стабилизирующих движение деятельности, естественно вытекает из представлений о природе движения. Ведь в движении предметной деятельности, как и во всякой форме движения, всегда присутствует тенденция к сохранению его направленности, возникающая в самом процессе деятельности. Стабилизаторы деятельности и находят свое выражение в тенденции к сохранению направленности движения, в своеобразной «инерции» деятельности. Без таких стабилизаторов деятельность просто не могла бы существовать как самостоятельная система, способная сохранять устойчивое направленное движение. Она была бы подобна флюгеру и каждое мгновение изменяла бы свою направленность под влиянием любых воздействий, обрушивающихся на субъекта. Мы еще раз подчеркиваем, что стабилизаторы всегда присутствуют в движении деятельности, непрерывно «цементируя» это движение и фиксируя его направленность. Они всегда есть, хотя внешне могут не проявлять каких-либо самостоятельных признаков своего существования. Дело в том, что стабилизирующие моменты движения деятельности остаются скрытыми до тех пор, пока развертывающаяся деятельность не сталкивается с тем или иным препятствием. Но стоит какому-либо препятствию вырасти на пути движения деятельности, и тенденция к сохранению направленности деятельности тотчас даст о себе знать. Раз-

* О некоторых теоретических и историко-психологических предпосылках введения понятия «установка» в контекст психологии деятельности и конкретных особенностях установок см. [1], [2], [3].

личные проявления этой тенденции встречаются буквально на каждом шагу. Дон Кихот, начитавшийся рыцарских романов и постоянно ожидающий встречи с великанами, принимает за великанов ветряные мельницы и нападает на них. Африканец, впервые приехавший в Лондон, ошибочно думает, что все полицейские дружелюбно настроены по отношению к нему, так как принимает знак остановки — правую руку полицейского, поднятую ладонью вперед навстречу движущемуся транспорту, — за теплое приветствие. Большинство фантастов, по привычке считающих разумной привилегией человека, придают в своих рассказах обитателям других миров человеческий облик. Из всех этих примеров явно следует, что тенденция к сохранению направленности движения деятельности имеет две стороны: во-первых, она является необходимым внутренним моментом движения деятельности, обеспечивающим его стабильность, устойчивость; во-вторых, она же обуславливает консервативность, ригидность деятельности, проявляясь в том, что субъект становится как бы «слепым» к любым воздействиям, не укладывающимся в русло этой тенденции.

Само собой разумеется, что между абстрактным положением, констатирующим наличие подобных стабилизаторов в процессе деятельности, и конкретно-психологическим исследованием механизмов, обеспечивающих стабильность деятельности, лежит целая пропасть. Для того чтобы через эту пропасть перекинуть мост, нужно было рассмотреть то, как представления о стабилизаторах деятельности преломились в психологии, в каких фактах и понятиях они предстали перед исследователями.

В нашей работе было показано, что наиболее устойчивое описание тенденции к сохранению направленности движения, или готовности действовать в определенном направлении, выражено в понятии «установка» и его многочисленных аналогах. Установочные явления хорошо известны в психологии вообще, и особенно в советской психологии, благодаря классическим работам Д. Н. Узнадзе [24] и его учеников [13], [14], [21], [26]. Ни одна другая школа в мировой психологической науке не внесла столь значимого вклада в изучение многообразных установочных явлений, как школа Д. Н. Узнадзе. Поэтому, для того чтобы конкретизировать представления о стабилизаторах деятельности, мы прежде всего обратились к теории установ-

ки Д. Н. Узнадзе. Прделанный нами с позиций общепсихологической теории деятельности анализ представлений об установке в школе Д. Н. Узнадзе, а также различных проявлений установки в исследованиях зарубежных психологов привел к разработке гипотезы об *иерархической уровневой природе установки как механизма стабилизации деятельности* [1], [2], [3], [4]. В чем суть этой гипотезы?

Согласно этой гипотезе содержание, функции и феноменологические проявления установок зависят от того, на каком уровне деятельности они функционируют. В соответствии с основными структурными единицами деятельности выделяются уровни смысловых, целевых и операциональных установок, а также уровень психофизиологических механизмов — реализаторов установок. Установки каждого из этих уровней обладают рядом характерных особенностей.

Ведущим уровнем установочной регуляции деятельности является уровень *смысловых установок*. Смысловая установка актуализируется мотивом деятельности и представляет собой форму выражения личностного смысла в виде готовности к определенной деятельности в целом. Смысловая установка цементирует направленность отдельной деятельности, феноменально проявляясь в ее субъективной окрашенности, «лишних» движениях и смысловых обмолвках. Типичный пример смысловой обмолвки описан З. Фрейдом, приведшим случай, когда пациентка, рассказывая об очень близком человеке — своей тетке, постоянно называла ее «моя мать», не замечая при этом обмолвки [25]. Смысловые установки относятся к глубинным образованиям мотивационной сферы личности. Их изменение всегда опосредовано изменением самой деятельности субъекта. В этом заключается кардинальное отличие смысловых установок от таких субъективных образований на поверхности сознания, как «отношения» в смысле В. Н. Мясищева, «значащие переживания» Ф. В. Бассина, которые могут быть изменены непосредственно под влиянием вербальных воздействий.

На другом уровне, на уровне действия, функционируют *целевые установки*. Критерием для выделения этого уровня установок является наличие цели действия. Целевая установка представляет собой готовность, вызванную предвосхищаемым осознаваемым результатом, и определяет устойчивость протекания действия. Из-за того, что

стабилизирующая функция целевой установки непосредственно не проявляет себя до столкновения действия с препятствием, в психологии нередко смешивают установку и направленность, тем самым растворяя эти понятия друг в друге. Между тем установка есть самостоятельный, не перекрываемый направленностью момент регуляции действия. Об этом красноречиво свидетельствуют такие факты проявления целевой установки, как феномен Зейгарник (тенденция к завершению прерванного действия) и системные персверрации.

Опускаясь на еще более низкий уровень деятельности, мы обнаруживаем факты проявления *операциональных установок*. Под операциональной установкой понимается готовность к осуществлению определенного способа действия, которая возникает в ситуации решения задачи на основе учета условий наличной ситуации и вероятностного прогнозирования изменения этих условий, опирающегося на прошлый опыт поведения в подобных ситуациях.

Конкретное выражение способа осуществления действия зависит от того значения, которое объективировано в предвосхищаемом условии. Говоря о «значении» условий ситуации, мы имеем в виду представление А. Н. Леонтьева о том, что эти условия несут в себе внешние схемы поведения — общественно выработанные способы осуществления деятельности, ценности, предметные и социальные нормы. Именно в значениях содержатся те готовые формулы, «образы» способов действия, о которых писал Д. Н. Узнадзе [24] и которые передаются из поколения в поколение, не позволяя распасться «связи времен». Эти значения, будучи представленными в образе предвосхищаемого условия ситуации, определяют конкретное выражение способа осуществления действия. В случае совпадения образа предвосхищаемого условия с фактически наступившим условием ситуации разрешения задачи операциональная установка приводит к осуществлению адекватной операции, посредством которой может быть достигнута цель действия. В повседневной жизни операциональные установки проявляются в привычных, стандартных ситуациях, определяя работу «привычного», по выражению Д. Н. Узнадзе, плана поведения. После того как человек многократно выполнял один и тот же акт в определенных условиях, у него при повторении этих условий не возникает новая установ-

ка, а актуализируется уже ранее выработанная установка на эти условия [13].

Феноменальные проявления установок этого уровня наиболее детально изучены в экспериментальной психологии. Так, фиксированные установки, выработанные посредством классического метода фиксации установки Д. Н. Узнадзе, по своему деятельностному рангу относятся именно к операциональным установкам. Операциональные установки проявляются в известных феноменах установочных иллюзий восприятия, в ошибках «ожидания» и «привыкания», наблюдаемых в психофизических экспериментах [4]. Феномены операциональных установок также обнаруживаются и при решении мыслительных задач. В этой области они открываются перед исследователями в виде феномена «функциональной фиксированности», проанализированного К. Дункером [8], и в стереотипных, ригидных установках — готовности к переносу ранее выработанных способов действия на новые задачи, — исследованных в известных работах А. Лачинса [27].

И наконец, на уровне психофизиологических механизмов установка проявляется в сенсорной и моторной преднастройках, предшествующих развертыванию того или иного действия.

Вглядимся повнимательнее в многоликие проявления установок. Во всех случаях, будь то установки на уровне личности или операциональные установки, об их существовании судят по тем искажениям, которые они приносят в процессы деятельности. Благодаря этой особенности психологи узнали о существовании установочных явлений. Из-за нее в умах многих исследователей установка неправомерно ассоциируется только с фактором, вносящим искажения в разные виды деятельности. Эта особенность установок и обусловила то, что в роли основного принципа, явно или неявно используемого в экспериментальных исследованиях установочных явлений, выступил методический принцип искусственного прерывания, сбой деятельности, например, прерывания деятельности при помощи создания неопределенности предъявляемой стимуляции — вроде пятен Роршаха или дефицита сенсорной информации в психофизических экспериментах на обнаружение сигнала, а также резкого нарушения протекания деятельности. Этот общеметодический прием служит еще одним

«операциональным» подтверждением правомерности понимания установки как стабилизатора деятельности.

Исследование уровневой природы установочных явлений и их роли в регуляции предметной деятельности находится в самом начале своего пути. Начинаются поиски методов диагностики и изменения смысловых установок личности. И уже сегодня зону этого поиска можно очертить с достаточной определенностью. Такими методами являются проективные методы (см. [22]) и методы социально-психологического тренинга. Ведутся экспериментальные исследования по изучению роли межличностной идентификации в возникновении смысловых установок [5], [6]. В работах Е. Т. Соколовой разрабатываются представления о личностном стиле как системе смысловых установок личности [23]. В недавно завершившемся цикле исследований, проведенных под руководством О. К. Тихомирова, вскрыта сложная взаимосвязь между оценками и установками разных уровней в ходе мыслительной деятельности [11]. Все эти и подобные им исследования и определяют судьбу дальнейшего развития представлений о разных уровнях установок, стабилизирующих деятельность субъекта и позволяющих сохранить ее устойчивость в бесконечно разнообразном и постоянно изменяющемся мире.

Итак, установка, понимаемая как стабилизатор движения в поле исходной ситуации развертывания деятельности, является единицей анализа *движения* деятельности субъекта. Функциональное значение установок по отношению к деятельности заключается в том, что установки различных уровней стабилизируют движение деятельности, позволяя, несмотря на разнообразные сбивающие воздействия, сохранять ее направленность; и они же выступают как консервативные моменты деятельности, «барьеры внутри нас», мешая деятельности вырваться за рамки исходной ситуации.

Другой единицей, вычленяемой при анализе деятельности в рамках динамической парадигмы, является надситуативная активность. Раскроем содержание этой существенно важной новой единицы анализа.

Деятельности субъекта свойственна особая логика движения, заключающаяся в том, что субъект как бы выходит за рамки и сходной ситуации развертывания деятельности, то есть действует — если использовать известный поэтический троп — «поверх барьеров». Понятие «надситуативная

активность», без введения которого невозможно понимание движения деятельности как ее саморазвития, и фиксирует факт существования таких тенденций, в которых субъект возвышается над ситуацией, преодолевая ситуативные ограничения на пути движения деятельности.

Введение этого понятия [18], [19], [20] потребовало специального рассмотрения проблемы соотношения понятия «активность» и «деятельность» в рамках общепсихологической теории деятельности, выделения и критики некоторых фундаментальных положений эмпирической психологии, соотнесения и в итоге обобщения конкретных данных, полученных в разное время разными авторами в ряде экспериментальных работ, в том числе и исследований в области психологии риска, проводимых в течение ряда лет одним из авторов данной статьи ([16], [18] и др.).

С какими же основными методологическими проблемами мы сталкиваемся, подходя к предмету нашего рассмотрения?

В самом фундаменте эмпирической психологии лежит следующая методологическая предпосылка, приобретающая статус постулата, явно или неявно принимаемого исследователями и исподволь ограничивающего движение научной мысли. Это «*постулат сообразности*». Он состоит в том, что субъекту приписывается изначально свойственное ему стремление к «внутренней цели», в соответствии с которой и приводятся все без исключения проявления активности [18], [20]. При этом вся деятельность субъекта оказывается как бы замкнутой на реализации именно этих исходных «целей». По существу речь идет об изначальной адаптивной направленности психических процессов и поведенческих актов субъекта. При этом адаптивность понимается в самом широком смысле, а именно, как тенденция субъекта к реализации и воспроизведению в деятельности тех и только тех его жизненных отношений (побуждений, целей, норм, установок, ценностей и т.п.), которыми определяется *наличный* уровень его бытия.

В зависимости от того, какая из конечных¹ жизненных ориентаций принимается за ведущую, выявляются различные варианты «постулата сообразности»: гомеостатический, прагматический, гедонистический. Действие постулата сообразности охватывает при этом не только эксплицированные в теоретической форме воззрения различных авторов, но и целый ряд бессознательно (или — по М. Г. Ярошевско-

му — «надсознательно») используемых и глубоко укоренившихся в мышлении стереотипов и схем.

Исходным для исследования явилось положение о том, что развитие человеческой деятельности, ее движение не может быть понято в рамках постулата сообразности, утверждающего адаптивную направленность психических процессов и поведенческих актов субъекта, что, иными словами, деятельности свойственно особое качество, которое состоит в ее способности переходить за пределы функции приспособления субъекта, как бы широко последнее ни трактовалось. В этом особом качестве, как мы предположили, находит свое выражение собственно активность субъекта. Понятие «активность» в наиболее общем плане может быть раскрыто как совокупность обусловленных субъектом моментов движения, обеспечивающих становление, реализацию, развитие и преобразование деятельности.

Условием определения понятия «активность» в более специальном значении является разграничение процессов осуществления деятельности и процессов движения самой деятельности, ее самоизменения. К процессам осуществления деятельности относятся моменты движения, входящие в состав мотивационных, целевых и операциональных единиц деятельности на данном уровне ее развития и необходимых переходов между ними. Собственно активность, в отличие от процессов осуществления деятельности, образуют *моменты прогрессивного движения самой деятельности* — ее становления, развития и видоизменения [20].

Активность как *момент становления деятельности* обнаруживает себя в процессах опредмечивания потребностей, целеобразования, возникновения психического образа, присвоения психологических орудий; активность как момент развития деятельности — в процессах расширенного ее воспроизводства: обогащения в индивидуальной деятельности субъекта общественно заданных мотивов, целей, средств исходной деятельности; активность как *момент видоизменения деятельности* характеризуется качественными трансформациями, затрагивающими основные структурные моменты исходной деятельности, а также преодолением связанных с ними установок как инерционных моментов движения деятельности.

Динамическая сторона деятельности, таким образом, не исчерпывается лишь процессами осуществления деятельности и включает в себя моменты движения, охватываю-

щие всю деятельность как предметно-процессуальное целое. Они-то и характеризуют процесс активности субъекта.

...Сделаем небольшое отступление и напомним одну правдивую историю о том, как пришел человек за советом к мудрецу и сказал: «Старче! Я нашел секрет чудодейственной смеси. Дашь мне любую вещь и смесь растворит ее!» — «Прекрасно! — сказал мудрец. — Но в чем же ты собираешься хранить свою смесь?» Деятельность человека подобна волшебной смеси: ее не в чем хранить.

Деятельность обладает собственным движением, в котором-то и выступают моменты собственно активности. Но трудность их усмотрения заключается в том, что они, как и установочные моменты, как бы погружены в деятельность, в процесс ее реализации, так что оба понятия — активность и деятельность — выглядят сливающимися друг с другом. Поэтому главная задача исследования заключается в том, чтобы выявить факт обособления активности в самостоятельный момент движения деятельности.

Для этого нужно было поставить испытуемого в условия, позволяющие ему осуществлять акты «надситуативной» активности. Акты надситуативной активности характеризуются следующими моментами.

Во-первых, они избыточны по отношению к ситуативно заданным требованиям, иными словами, протекают над порогом ситуативной необходимости [18], [19]. Во-вторых, они избыточны также и относительно тех «внутренних» мотивов, актуализация которых обусловлена самим содержанием ситуативно заданных требований. Это отличает акты надситуативной деятельности от проявлений инициативы субъекта в его деятельности. Проявляя инициативу, субъект расширяет и углубляет свою деятельность, производя ее «за пределами требуемого» (по Д. Б. Богоявленской). Отметим, что в этом случае выход за рамки узкоситуативной задачи обусловлен мотивом, возникающим или проявляющимся прежде всего на основе принятия субъектом ситуативно заданной цели. В-третьих, это такие действия, когда субъект преодолевает ситуативные ограничения на пути движения деятельности, то есть, иными словами, преодолевает установки, сложившиеся в деятельности, и адаптивные побуждения, обусловленные ситуацией.

В актах выхода субъекта за рамки ситуации через преодоление обусловленных ею ограничений, иначе говоря, в

явлениях надситуативной активности, с отчетливостью выступает момент движения деятельности, то есть то, что мы обозначаем как собственно активность субъекта.

Изучение явлений надситуативной активности проводилось в 1970 г. на материале исследования тенденции субъекта к прагматически немотивированному риску [16]. Для этого была создана особая экспериментальная ситуация, существенная и принципиальная черта которой состояла в том, что прагматически немотивированные действия, выступающие над порогом требований ситуации, неизбежно были направлены на подавление адаптивных интересов субъекта, в данном случае — опасений, обусловленных фактором угрозы.

Станут ли испытуемые преодолевать ситуативные ограничения, пойдут ли на «бескорыстный» риск? Этот основной вопрос и стоял тогда перед нами.

Проведенные эксперименты позволили показать не только существование этого явления и его распространенность (в частности, тот факт, что около половины всех испытуемых из общего числа более 400 человек идут на «бескорыстный» риск), но и своеобразие проявления риска как феномена надситуативной активности. Было показано, что усиление угрозы в известных пределах не только ведет к снижению проявляемой тенденции к риску, но даже приводит к заметному учащению случаев, так сказать, «немотивированной» активности. Специальные эксперименты показали далее, что рискованные действия, избыточные в рамках принятых испытуемым условий задания, нельзя объяснить проявлением таких черт его личности, как склонность к прагматическому риску, уровень притязаний, стремление самоутвердиться в глазах окружающих. Наблюдавшиеся в эксперименте проявления риска были «бескорыстны» не только в том смысле, что они не были вызваны ни содержанием экспериментальной инструкции, ни введенным экспериментатором критерием успешности действия, но и в том смысле, что они, по-видимому, не были детерминированы некоторыми прагматически фиксированными «внутренними» переменными — стремлением к выгоде, личному успеху, одобрению окружающих. При этом испытуемые не только выходили за рамки требований ситуации, но и действовали *вопреки адаптивным побуждениям*, они перешагивали через свои адаптивные интересы, преодолевая ситуативные ограни-

чения на пути движения деятельности. Таким образом, в фактах выхода субъекта за рамки требований ситуации и проявилось то, что мы называем надситуативной активностью субъекта.

В данный момент мы располагаем лишь предварительными гипотезами относительно механизма возникновения надситуативной активности и вероятных форм ее проявления. Здесь мы исходим из того положения, что деятельность не только реализует исходные, но и порождает новые жизненные отношения субъекта, а значит, и необходимость выхода за рамки первоначальной ситуации [20].

Необходимость выхода за рамки ситуации реализуется в различных формах: в форме «потребности в активности» или, если использовать специальное обозначение Узнадзе, в форме «функциональной тенденции», порождаемой именно в деятельности субъекта. Необходимость указанного выхода может проявляться и как мотив деятельности, например «риск-мотив», и как сложившаяся в деятельности готовность субъекта к осуществлению действий, избыточных относительно требований ситуации. Таким образом, необходимость выхода за рамки ситуации обуславливает как бы «сдвиг» деятельности на всех ее специфических уровнях — от мотивационно-потребностных до, возможно, операциональных.

Что же лежит в основе, что служит определяющим условием возникновения необходимости выхода за рамки ситуации? Согласно нашей гипотезе, основу возникновения этого особого нового отношения образуют возрастающие в деятельности потенциальные возможности субъекта; они как бы перерастают уровень требований первоначальной ситуации и, образуя избыток, побуждают субъекта к выходу за рамки этих требований. Формулируя гипотезу об избытке потенциальных возможностей как источнике активности, мы вполне осознаем необходимость специальной концептуализации и операционализации самого понятия о потенциальных возможностях субъекта, что образует линию будущих исследований.

Весьма широк спектр явлений надситуативной активности. Помимо рассмотренного здесь явления «бескорыстного» риска, отметим факты альтруистического поведения и феномены действенной групповой эмоциональной идентификации [15], [17]; процессы порождения познавательной мотивации в деятельности и общении (исследования

А. М. Матюшкина и его сотрудников); феномены «сверхнормативности» в коллективной деятельности, выделяемые сегодня в рамках стратометрической концепции групп и коллективов. Все это явления, психологическим ядром которых, по-видимому, и являются моменты надситуативной активности как особой единицы движения деятельности субъекта.

В заключение мы резюмируем основные положения данной работы.

В настоящее время в теории деятельности, разрабатываемой в работах А. Н. Леонтьева и его сотрудников, представляется возможным выделить две парадигмы исследования психологии деятельности: *морфологическую* и *динамическую*.

При анализе деятельности в рамках морфологической парадигмы исследуются структурные единицы деятельности: особенная деятельность, побуждаемая мотивом; действие, направляемое целью; операция, соотносимая с условиями действия, и психофизиологические реализаторы деятельности.

При исследовании деятельности в рамках динамической парадигмы открывается *движение* самой деятельности. Это движение характеризуется такими находящимися в единстве и борьбе моментами, как *надситуативная активность* (тенденция, избыточная по отношению к исходной деятельности), порождаемая в самом процессе деятельности и выступающая как прогрессивный момент ее движения и развития, и *установка* (тенденция к сохранению направленности деятельности), являющаяся стабилизатором деятельности, своеобразным инерционным моментом ее движения. Моменты надситуативной активности, нетождественные процессам осуществления деятельности на ее исходном уровне, составляют обязательное условие развития деятельности субъекта, «скачка» к новой деятельности. Установочные моменты, за которыми стоят процессы стабилизации деятельности, не совпадая с ее структурными моментами, образуют неотъемлемое условие реализации деятельности. Установки исходного уровня деятельности и связанные с ними адаптивные интересы субъекта, «барьеры внутри нас», как бы пытаются удержать деятельность в наперед заданных границах, а надситуативная активность — движение «поверх барьеров» — рождается и обнаруживается в борьбе с этими установка-

ми. Без введения этих понятий нельзя объяснить ни процессы развития деятельности как ее самодвижения, ни устойчивый характер направленной деятельности субъекта.

Если исследование деятельности в рамках морфологической парадигмы прошло долгий путь своего развития и членение деятельности на структурные единицы относится к капитальным положениям советской психологии, то исследование моментов движения деятельности — надситуативной активности и установки — только начинается, и динамической парадигме анализа деятельности еще предстоит утвердиться как особой парадигме.

Цитированная литература

1. *Асмолов А. Г.* Деятельность и уровни установок // Психология. Вестник МГУ. 1977. №1.
2. *Асмолов А. Г.* Проблема установки в необихевиоризме: прошлое и настоящее // Сб. «Вероятностное прогнозирование в деятельности человека». М., 1977.
3. *Асмолов А. Г., Ковальчук М. А.* К проблеме установки в общей и социальной психологии // Вопросы психологии. 1975. №4.
4. *Асмолов А. Г., Михалевская М. Б.* От психофизики «чистых ощущений» к психофизике «сенсорных задач» // Сб. «Проблемы и методы психофизики». М., 1974.
5. *Басина Е. З.* Экспериментальный анализ смысловых альтруистических установок. Дипл. раб. МГУ, 1977.
6. *Басина Е. З., Насиновская Е. Е.* Роль идентификации в возникновении смысловых альтруистических установок личности // Психология. Вестник МГУ. 1977. №4.
7. *Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса. 1926. (Из архива Р. Н. Выготской).
8. *Дункер К.* Психология продуктивного (творческого) мышления. // Сб. «Психология мышления». М., 1965.
9. *Зинченко В. П.* Методологические проблемы психологического анализа деятельности // Эргономика. Труды ВНИИТЭ. 1974. №8.
10. *Зинченко В. П., Мунипов В. М.* Эргономика и проблемы комплексного подхода к изучению трудовой деятельности. // Эргономика. Труды ВНИИТЭ. 1976. №10.
11. *Клочко В. Е.* Целеобразование и оценка при решении задач. Рукопись, 1977.
12. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
13. *Надирашвили Ш. А.* Понятие установки в общей и социальной психологии. Тбилиси, 1974.
14. *Натадзе Р. Г.* Воображение как фактор поведения. Тбилиси, 1972.
15. *Петровский А. В.* О некоторых феноменах межличностных взаимодействий в коллективе // Вопросы психологии. 1976. №3.
16. *Петровский А. В.* Экспериментальное исследование риска как тенденции личности. Материалы IV съезда Всесоюзного общества психологов. Тбилиси, 1971.
17. *Петровский А. В.* Эмоциональная идентификация в группе и спо-

соб ее изучения // Сб. «К вопросу о диагностике личности в группе». М., 1973.

18. *Петровский В. А.* К психологии активности личности // Вопросы психологии. 1975. №3.

19. *Петровский В. А.* Активность как «надситуативная деятельность». Тезисы научных сообщений советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу. М., 1976.

20. *Петровский В. А.* Активность субъекта в условиях риска: Автореф. канд. дис. М., 1977.

21. *Прангшвили А. С.* Психологические очерки. Тбилиси, 1975.

22. *Соколова Е. Т.* Мотивация и восприятие в норме и патологии. М., 1976.

23. *Соколова Е. Т.* О психологическом содержании понятия «когнитивный стиль» и его использовании в исследовании личности // Сб. «Личность и деятельность»: Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду психологов. М., 1977.

24. *Узнадзе Д. Н.* Психологические исследования. М., 1966.

25. *Фрейд З.* Психопатология обыденной жизни. М., 1925.

26. *Чхартшвили Ш. Н.* Некоторые спорные проблемы психологии установки. Тбилиси, 1971.

27. *Luchins A. S., Luchins E. H.* Rigidity of Behavior. A Variational Approach to the Effect of Einstellung. Oregon, 1959.